

ЗАВИСИМОСТЬ И ОТСТАЛОСТЬ В РАЗВИТИИ РОССИИ*

В.А.Красильщиков

Есть ли выход из той ситуации, в которой оказалась Россия, - ситуации системного кризиса и деградации, чреватой потерей экономической и государственной независимости страны? Какой может и должна быть стратегия развития России, и какое место в мировой системе мы можем занять? Насколько то, что происходит в нашей стране, соответствует тенденциям мирового развития, не обусловлен ли наш системный кризис такими процессами, над которыми мы не имеем контроля?

Чтобы ответить на эти и многие другие вопросы, автор предлагает рассмотреть развитие России с позиций миросистемного подхода, разработанного рядом ученых как на Западе, так и в России. Такой подход представляется ему наиболее плодотворным, учитывая очевидную взаимозависимость различных стран друг от друга.

Россия и мировая модернизация

Что такое модернизация и какое место в истории она занимает, как было связано развитие России с этим процессом?

В свое время бывший министр финансов Сингапура, один из творцов сингапурского "экономического чуда" Гон Кенг Сюи сравнил модернизацию... со слоном: "модернизация - это как слон; трудно дать определение, но легко признать, когда видишь это животное (1).

Действительно, модернизация - столь масштабное и всеохватное преобразование всех сторон жизни общества, что она сразу бросается в глаза, хотя трудно выделить какой-то один ее признак. В целом, можно сказать, что модернизация - процесс развития капитализма, причем в тех формах, которые в конце XIX - XX веке сложились в индустриально развитых странах Запада. Модернизация охватывает собой социальные отношения, экономику, политику, правовые отношения, культуру и духовный мир людей (2).

В первую очередь модернизация - порождение западноевропейской цивилизации. Она неотделима от формирования и деятельности так называемого фаустовского типа личности, западноевропейской рационалистической культуры "модернити", порожденной эпохой Ренессанса. По существу само Возрождение знаменовало собой первую в собственном смысле слова модерни-

* Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта при помощи Российского гуманитарного научного фонда (N 96-02-02229).

В.А.КРАСИЛЬЩИКОВ

Зависимость и отсталость в развитии России

зацию - целую эпоху глубочайших социальных и культурных преобразований, заложивших основы современного (modern) - индустриального, рыночного - общества в Западной Европе с политической демократией, правом частной собственности и идейным плюрализмом.

Модернизация может быть органичной (эндогенной) и неорганичной (экзогенной). В странах, где модернизация была органичной, она стихийно вытекала из их предшествующего развития, а все ее стороны (экономика, политика, социальная сфера, культура) претерпевали изменения более или менее равномерно. Это страны так называемого первого эшелона развития капитализма (модернизации): Великобритания, Франция, Голландия, Северная Германия, отчасти Северная Италия, Швейцария, а потом, конечно, Соединенные Штаты Америки и Канада. В этих странах перемены в направлении модернизации хотя и сопровождались острыми общественными конфликтами, в целом вырастали из самой повседневной жизни общества. Они составили центр (ядро) системы мирового хозяйства, мир-экономики (И.Валлерстайн) (3), хотя внутри этого ядра постоянно велось соперничество за лидерство.

В странах второго эшелона модернизации существовали собственные предпосылки капиталистического развития, но эти предпосылки долгое время оставались как бы подавленными. Они дали о себе знать в полной мере уже в XIX столетии. К числу стран второго эшелона модернизации принадлежали страны Восточной Европы и Балканского полуострова, Турция, юг Италии, Португалия и отчасти Испания, наиболее крупные и развитые страны Латинской Америки (Бразилия, Аргентина, Мексика, а также "маленький, но удаленный" Уругвай). Ко второму эшелону мировой модернизации относились также Россия и Япония. По своему положению в системе мировой торговли, международном разделении труда такие страны относились к полупериферии мирового хозяйства.

Несмотря на некоторые внутренние предпосылки капиталистического развития, последнее для стран второго эшелона модернизации все же не было органичным. Модернизации в этих странах не вырастали спонтанно, из глубин народной жизни, а были, главным образом, вынужденными. К таким модернизациям побуждали правящую элиту или сменявшие ее группы и обострение конкуренции на мировых рынках, или угроза независимости (Япония, Россия в XIX веке), даже поражение в войне. При этом ключевую роль в процессе модернизации играло государство, стимулируя развитие индустрии, торговли, массового образования, судебной системы, многих элементов и институтов гражданского общества.

Наконец, в странах третьего эшелона капиталистического развития - в большинстве стран Азии, Африки и Латинской Америки, для модернизации не было или почти не было внутренних предпосылок. Модернизация в этих странах была вызвана колониальной и торговой экспансией западноевропейских стран на другие континенты. Она стала результатом их включения в систему международного разделения труда на положении периферии мирового хозяйства в качестве поставщиков "колониального товара". Такая модернизация носила крайне поверхностный характер, почти не затрагивая уклад жизни основной массы населения. Правда, некоторым странам третьего эшелона модернизации в последние десятилетия удалось подняться по уровню своего развития во второй эшелон и даже вплотную приблизиться к

первому эшелону (феномен новых индустриальных стран Азии). Однако большинство стран третьего эшелона мировой модернизации по-прежнему бьется в тисках вопиющих социально-экономических проблем, и перспективы развития этих стран почти не просматриваются.

Что же касается собственно России, принадлежавшей ко второму эшелону капиталистического развития, то ее модернизация представляла собой мучительный процесс приспособления страны к логике исторической эволюции Западной Европы. В ходе этого приспособления постоянно преодолевалось возникшее еще на заре современной эпохи (в XV веке) технико-экономическое отставание России от центра мировой экономической системы. Причем это отставание было как оборотной стороной развития Запада, так одновременно и формой развития, даже способом существования России. Значит, развитие России за последние пять веков было зависимым - зависимым от Запада, как и развитие, скажем, стран Латинской Америки? А отставание от Запада, в свою очередь, было формой развития России? Не слишком ли парадоксально звучит даже сам вопрос подобного рода? Ведь Россия не была чужой колонией и до сих пор, несмотря на трудности и огромное напряжение народа, находила в себе силы, чтобы сохранить свою государственную независимость.

Тем не менее, я утверждаю, что развитие государственно независимой России зависело от развития Западной Европы в большей степени, чем, например, развитие Индии от Британии на протяжении почти двухсот лет британского колониального владычества. Хотя Россия не зависела в такой степени, как, например, Бразилия или Аргентина от внешней торговли, ее судьба во многом определялась эволюцией центра миросистемы.

Между тем столь парадоксальное, на первый взгляд, утверждение о зависимом характере развития России как раз и объясняется ее государственной независимостью. Причем, чем больше Россия укрепляла свою независимость и свою государственность, тем больше ее действия по укреплению независимости определялись логикой развития Запада. Причем, зависимость развития России от Запада несколько не противоречит всем известным военно-политическим и социокультурным конфликтам между Россией и Западом.

Дело в том, что Россия - неотъемлемая часть Запада. И все ее конфликты с Западной Европой, а потом и с Северной Америкой - это, в конечном счете, внутренние конфликты самого Запада. Ведь и Россия, и Западная Европа впитали в себя иудейско-христианскую духовную традицию, хотя и не в одинаковых формах. Культура России, как и культура Западной Европы, представляет собой синтез элементов европейского язычества (в том числе и утонченного, цивилизованного - античности) и иудейско-христианского духовного наследия. И в культуре России, и в культуре любой из стран Западной Европы сосуществовали два начала: индивидуалистическое, личностное, и коммуналистское, общинное (4). Оба этих начала как бы уравнивали друг друга. В самом деле, полное торжество индивидуализма означало бы, как у Томаса Гоббса, войну всех против всех. Общество попросту развалилось бы, и тогда исчезли бы условия для самого индивидуализма, для самовыражения и самореализации личности. Но не могло полностью победить и общинное, коммуналистское начало, ибо тогда исчезли бы стимулы к развитию, и западная цивилизация тоже перестала бы существовать.

В.А.КРАСИЛЬЩИКОВ

Зависимость и отсталость в развитии России

В силу сложившихся объективных условий жизни в Западной Европе индивидуализм на протяжении последних пяти-шести веков ее истории преобладал над общинностью. Наоборот, в России с ее бескрайними просторами и отсутствием естественных преград для экспансии со стороны соседей (ни высоких гор, как в Швейцарии, ни моря, как вокруг Британии, здесь не было) должен был торжествовать коммунизм, общинное начало. Без этого вряд ли можно было, с одной стороны, обороняться от назойливых соседей, будь то с Запада или Юго-Востока, избавиться от Золотой Орды и, с другой стороны, подчинить себе огромные пространства на Востоке. Без доминирования, преобладания общинного начала над индивидуалистическим, что выразилось прежде всего в жесткой верховной власти, нельзя было ни противостоять чужой экспансии, ни осуществлять свою собственную. Но и окончательно победить индивидуализм это общинное начало тоже не могло.

Противостоять чужой экспансии, как, впрочем, и осуществлять свою собственную, вряд ли можно было с голыми руками. И как только Западная Европа делала очередной шаг вперед в приращении своей технической и военной мощи, Россия должна была делать то же самое - во имя самосохранения и собственной независимости. Вот и получается, что закономерное стремление России отстоять государственную независимость, укрепить державу ставило ее развитие в жесткую зависимость от развития Запада. Независимость порождала своеобразную зависимость. Так еще в XV-XVI веках закладывались предпосылки специфической модели развития России - модели имперской модернизации (5).

Имперская модель модернизации - это модернизация во имя сохранения военно-политического статуса империи, наращивания технической мощи, которая позволила бы противостоять нападению извне и поддерживать собственную экспансию. Такая модернизация не ставила своей целью улучшение условий жизни народа. Ядром, центральной задачей имперской модернизации было создание мощного военно-производственного комплекса: сильной армии, оснащенной современным вооружением, и работающих на нее предприятий. Но, будучи по своей сути проявлением торжества общинности над индивидуализмом, имперская модернизация волей-неволей должна была стимулировать индивидуалистическое начало в "ядре культуры" России и опираться на него. Яркий пример - петровская модернизация, когда Петр I явно опирался на инициативу отдельных незаурядных личностей. Другой пример - модернизация, начатая Александром II. При всей своей непоследовательности она не могла бы осуществиться, если бы не способность многих русских людей, причем на всех уровнях общества, к личной инициативе, предприимчивости, принятию вполне самостоятельных решений. Без индивидуалистического начала в русском "ядре культуры" была бы невозможна и сталинская индустриализация. В самом деле, что такое стахановское движение как не проявление индивидуализма? Сомнительно, чтобы Алексей Стаханов мог появиться в Китае или Индии с их устоявшимися традициями общинности. Даже тот факт, что он в конце концов не выдержал испытания славой, по-своему подтверждает наличие индивидуалистического начала в русской культуре, причем народной. И без индивидуализма русского человека Россия никогда не имела бы ни космических кораблей, ни реактивных лайнеров, ни атомных электростанций, ни мощной еще недавно науки, ни выдающихся достижений в спорте и балете. И всякий раз, когда

Россия и российские правящие круги, обеспокоенные усиливающимся отставанием России от развитых стран Запада, начинали имперскую модернизацию, они были вынуждены так или иначе поощрять индивидуалистическое начало, личную инициативу, пусть и ограниченную жесткими рамками имперской модернизации. Но как только разрыв между Россией и Западной Европой сокращался до "приемлемых размеров", государство более не нуждалось в проявлении личной инициативы, к которой оно всегда относилось с подозрением. Модернизация, подчиненная имперским задачам, никогда не проникала глубоко в ткань общества. Общинное начало, охраняемое жесткой государственной властью, вновь брало верх над личностным. Период реформ заканчивался, наступал период контрреформ, закономерный этап в ходе имперской модернизации - до тех пор, пока вновь разрыв между Россией и Западной Европой не принимал угрожающих масштабов.

Впрочем, период контрреформ не мог не наступить, учитывая не только социокультурные, но и чисто экономические особенности имперской модернизации. Поскольку ресурсы для создания и последующего обновления военно-промышленного комплекса добывались за счет нещадной эксплуатации крестьян, то на подлинную модернизацию хозяйства уже не оставалось никаких ресурсов. Это обуславливало постоянное воспроизводство своеобразного порочного круга отсталости: имперская модернизация оттягивала ресурсы, необходимые для нормального развития сельского хозяйства и ремесла, чудовищная эксплуатация крестьянства убивала последние мотивы к интенсивному труду, бедность крестьян способствовала сохранению отношений личной зависимости и общины в деревне, отношения личной зависимости консервировали бедность и служили основой для преобладания общинного начала над личностным, а преобладание коммунизма над индивидуализмом препятствовало реальной, органичной модернизации.

В силу уродливого, одностороннего характера имперской модернизации технико-экономическое отставание России от Западной Европы периодически усиливалось, возникала угроза как для безопасности империи, так и для ее собственной экспансии. Требовался новый цикл имперской модернизации.

Особенность догоняющей имперской модернизации, осуществлявшейся в России прежде всего государством, во многом была связана с преобладанием общинного начала над личностным. Но поскольку имперская модернизация совсем не могла обойтись без индивидуализма, она постоянно нарушала социокультурную стабильность в обществе. А ее верхушечный характер заранее предопределял отчуждение основной массы народа от целей и методов преобразований. Модернизация выступала как чуждое народу явление, предзнаменование конца света или других напастей. Недаром в годы петровской модернизации самого Петра в народе сравнивали с Антихристом. Имперская модернизация порождала глубокий социокультурный раскол общества.

Если в Западной Европе классовые конфликты возникали в рамках одной культуры, то в России социальные конфликты одновременно, как правило, возникали между двумя культурами. Несмотря на порой весьма острые классовые конфликты на Западе, что проявлялось и в столкновении идеологий и субкультур, последние генетически были связаны друг с другом общей основой - культурой "модернити", поэтому между ними при определенных условиях был возможен компромисс. В России же социальные конфликты, как

правило, были связаны с культурным расколом, который возникал в ходе догоняющих модернизаций. Это был не просто конфликт между сторонниками и противниками модернизаций, между усвоившей западные манеры верхушкой и основной массой народа. Отсюда проистекала особая острота конфликтов, радикализм противоборствующих сторон, полное взаимное недоверие между теми, кто инициировал нововведения, и теми, кто должен был их принимать как необходимость.

Таким образом, в истории России, если рассматривать ее с точки зрения мировых модернизаций, присутствовали все основные черты, которые впоследствии выявились при исследовании развития зависимых стран: относительная отсталость, блокирование развития капитализма архаичными общественными структурами, зависимость от развития Запада, хотя эта зависимость и была весьма специфической. Зависимость усугубляла отсталость, относительная же отсталость усиливала зависимость, предопределяя заранее жесткое следование по пути технико-экономического развития Западной Европы. И вот что интересно: как только в результате укрепления империи создавалась возможность отойти, хотя бы частично, от модели имперской модернизации, Россия упускала такую возможность. Особенно ярко это проявилось уже в советское время, на рубеже 60-70-х годов XX века, когда был достигнут военно-стратегический паритет с США и можно было всерьез заняться внутренним социально-экономическим развитием страны. Можно было, но... И то, что произошло с нашей страной за последние 10-15 лет, следует рассматривать, во-первых, как своеобразный отрицательный результат ускоренного развития в предыдущие десятилетия, во-вторых, в контексте фундаментальных процессов, развернувшихся в странах Запада и Восточной Азии.

Провал советского коммунизма - подтверждение правоты теории Карла Маркса

Доморощенные российские "демократы" ("либералы") могут сколько угодно насмеяться над теоретическими идеями Маркса, уверяя, что все они опровергнуты событиями последних двадцати лет. Правда, очень часто из-под колпаков насмешников - придворных скоморохов - торчат ослиные уши бывших доцентов "научного коммунизма", рьяных адептов "марксизма-ленинизма". Между тем сам факт краха советской системы как нельзя лучше подтверждает одно из основных положений марксовской теории: в основе исторического движения в конечном счете, как бы ни были важны политические события, войны или деяния вождей, лежит развитие производительных сил. Причем, в соответствии опять же с Марксом, развитие производительных сил как развитие человека, его знаний, навыков, способностей и общественных связей.

Начало информационной революции и появление персонального компьютера сыграли роковую роль в судьбе советской индустриальной системы, в которой выщающиеся научно-технические достижения сочетались с чертами средневекового веча, возней придворных кланов, монашеского ордена и вопиющей безалаберностью. Разумеется, эти новшества были подготовлены всем ходом развития западного индустриального общества, в котором уже в 60-е годы появились черты, никак не укладывавшиеся в схемы "марксизма-

ленинизма". Кратко суть процессов, зародившихся тогда в ткани западного социума, можно определить как становление системы всеобщих (универсальных) производительных сил, главными элементами которых, как и предвидел еще Маркс, являются научное знание и обладающие этими знаниями, освоившие достижения мировой культуры индивиды (6). Это проявилось в быстром расширении сферы науки и образования, росте сферы услуг как сферы "производства человека", относительном сокращении доли материального производства в валовом внутреннем продукте развитых стран и структуре совокупной рабочей силы.

Фактически, основным направлением и источником социально-экономического развития стран Запада уже в 70-е годы XX века стало становление и расширение системы всеобщего труда-творчества (7).

Всеобщий труд-творчество - это деятельность ученого, инженера-конструктора, музыканта, художника, даже лектора по какой-нибудь скучной дисциплине вроде экономики. Основа такой деятельности - научное знание и ценности культуры, которые, собственно говоря, и составляют всеобщее достояние (8).

"Экспансия творчества", расширение сферы всеобщего труда по-новому заставляют взглянуть на частную собственность.

Может ли какая-нибудь научная или даже не очень научная теория находиться в частной собственности? Если сначала она и находилась в монопольном пользовании того или иного ученого, то в результате его деятельности она становится достоянием всех его учеников и вместе с тем - каждого в отдельности. А что представляют собой информационные сети, в том числе знаменитая "Интернет", точнее, их содержимое, информация, которая заложена в них? Это тоже объект чьей-то частной собственности?

Хотим мы того или нет, но на экране монитора при попытке ответить на эти вопросы появляется саркастическая улыбка бородатого основоположника марксизма, попыхвающего своей трубочкой (как и полагается в Стране чудес - появляется без бороды). Ибо коль скоро мы имеем дело с "продуктами" творчества, духовного производства, то это означает, что мы покинули мир материально осязаемых вещей, мир конечного богатства. А раз нет конечности, значит, бессмысленно говорить и о частной собственности.

Но помимо того, что всеобщий труд-творчество прежде всего создает новые и использует уже накопленные научные знания, культурные ценности и информацию разного рода, он представляет собой также и деятельность по "производству человека". Обозначившееся вновь в конце 60-х годов отставание России/СССР от развитых стран Запада и Японии было связано прежде всего с тем, что сложившаяся в ходе догоняющей индустриализации структура хозяйства, система управления и затем начавшееся разложение этой системы блокировали в первую очередь развитие человека как субъекта творческой деятельности (9). Да и сам характер второго этапа НТР (информационной революции), предполагающий свободное движение информации, был несовместим с закрытостью советского общества, с идеологической цензурой и преследованиями за "иные мысли". В сочетании с множеством накопившихся экономических и организационных проблем это предопределило сдачу Советским Союзом своих позиций в мировой экономике, его неспособность к середине 80-х годов претендовать реально на роль сверхдержавы. Советский "коммунизм" стал проигрывать соревнование с

В.А.КРАСИЛЬЩИКОВ

Зависимость и отсталость в развитии России

Западом не тогда, когда существовавший на Западе капитализм был "плохим". А тогда, когда в развитии Запада в ходе НТР стали складываться элементы постиндустриального (информационного, научного) общества, во многом соответствующие прогнозам Маркса относительно будущего. Нет, недаром известный американский специалист по управлению Питер Друкер назвал складывающееся сейчас в развитых странах "общество знания" посткапитализмом (т.е. "уже не-капитализмом"). Сохраняя рыночный механизм регулирования материального производства, оно во главу угла ставит не старые "факторы производства" (труд, землю и капитал), а знания (10).

Однако, если постиндустриальное или информационное общество по существу соответствует марксовому представлению о коммунизме, то нужно прямо сказать: коммунизм может оказаться отнюдь не светлым, а мрачным будущим человечества.

Постиндустриализация и глобальные потрясения

Если главные черты марксова прогноза будущего общества в принципе совпадают с тем, что сегодня фиксируют теоретики постиндустриализма в реальной жизни стран Запада, то отсюда вовсе не следует, что мир стоит на пороге светлого будущего. На сегодняшний день отрицательные стороны постиндустриализации, этой ранней зари (или туманного утра?) коммунизма (без всяких кавычек), перевешивают ее положительные стороны. И не исключено, что развитие этого коммунизма (информационного общества) может вызвать необходимость глобального авторитаризма, чтобы навести хоть какой-то порядок на планете. Ибо именно процессы постиндустриализации, информатизации являются сегодня основной причиной "глобальных турбуленций" в мире.

Как известно, для первого этапа НТР, научно-индустриальной революции 50-60-х гг., была характерна экспансия транснациональных корпораций (ТНК). Причем эта экспансия в основном шла внутри центра капиталистической системы - из одних развитых стран в другие. Начало второго этапа НТР стимулировало также экспансию ТНК из центров на полупериферию. Возник феномен новых индустриальных стран (НИС).

Конечно, этот феномен вырос не на пустом месте. На протяжении 60-х годов во многих странах Восточной и Юго-Восточной Азии, Латинской Америки велась подготовительная работа к догоняющей модернизации позднеиндустриального типа. И в 70-е годы там уже все было готово для экономического бума.

Постиндустриализация, внедрение робототехники, развитие информационных сетей обесценили большую часть совокупного общественного труда в развитых странах. В этих условиях индустриальный капитал предпочел переместить часть материального производства туда, где можно было бы выпускать товары с меньшими издержками, экономя к тому же на мерах по охране окружающей среды. И индустриальный капитал в лице ТНК сделал выбор - пошел в новые индустриальные страны, откуда по всему миру растекался поток относительно дешевых изделий, тогда как Запад все больше концентрируется на высокотехнологичном производстве и выпуске дорогостоящих товаров. Постиндустриализация в центре экономической миросистемы сопровождается ускоренным развитием индустриального капитализма в но-

вых индустриальных странах, причем последние всячески используют достижения информационной революции в индустриальном производстве. Фактически посткапитализм в развитых странах создает на полупериферии капиталистические структуры - подобно тому, как раньше развитие капитализма в центре миросистемы создавало на полупериферии и периферии (или использовало в готовом виде) докапиталистические структуры. Все это происходит тогда, когда индустриальное производство сталкивается с объективными пределами освоения ресурсов и экологической проблемой. А также с проблемой "лишних людей", которым нет места в системе сокращающегося индустриального производства, но которые, в то же время, не могут или не хотят найти место в складывающейся системе производства постиндустриального, довольствуясь минимумом благ, в том числе за счет "государства благосостояния".

Люди, выброшенные за борт постиндустриализации, уходят в тень. В тени они находят разные ниши: кто-то в своем собственном доме, кто-то в экзотических верованиях, а кто-то в теневой экономике. Причем во многих странах бывшего Третьего мира эта проблема оказывается куда более острой, чем в развитых странах.

Вытеснение индустриального производства на полупериферию миросистемы (феномен НИС) имело тяжелейшие последствия для развивающихся стран, которые оказались не слишком привлекательными для транснационального капитала. Поток относительно дешевых товаров, хлынувший из НИС в страны Юга, взорвал зачатки промышленности, которые имелись в них, ударил по ремесленному производству. Можно сказать, что Южная Корея, Тайвань и Малайзия в конце XX века сыграли такую же роль в разрушении этого производства в бедных странах Юга, какую английский текстиль сыграл в разрушении индийского ткачества в XIX веке.

При этом разрушается традиционная культура незападных обществ Юга, которая вытесняется эрзацами массовой культуры Запада. Благо технические средства для этого дешевы и доступны: аудио- и видеокассеты, "дебильники" и телевизоры, компакт-диски распространились по всему миру. "Эффект демонстрации" делает свое дело. В сочетании с маргинализацией огромных масс людей в бывшем Третьем мире создается колоссальный запас горючего материала, способного спалить всю планету. В один клубок сплетаются протест против маргинализации и мечты о "сладкой жизни", протест против чуждой незападным обществам массовой культуры и желание во что бы то ни стало приобщиться к этой культуре. На огромных пространствах возникают "склады" этого горючего материала.

Следствием этих процессов является, в частности, подъем религиозного фундаментализма, причем нередко в его наиболее экстремистских, воинственных формах. Збигнев Бжезинский, дон Базилио современной политологии, со свойственной ему жесткостью в суждениях предупреждает, что в недалеком будущем возможен конфликт между Севером и Югом, если сохраняются сегодняшние тенденции мирового развития: социальные, экономические, технологические, культурные - слишком уж велико число "выброшенных за борт", не поспевающих за экспрессом постиндустриализации, слишком ограничены ресурсы и возможности капитала, чтобы накормить всех страждущих. "Тогда может возникнуть новая коалиция более бедных наций против богатых, - возможно, ведомая Китаем," - пишет Бжезин-

В.А.КРАСИЛЬЩИКОВ

Зависимость и отсталость в развитии России

ский (11). По сути дела именитый пан профессор признает бессилие посткапитализма установить глобальный контроль над ситуацией в мире.

Возникает поистине фантазмагорическая картина. Становление постиндустриального, информационного общества, развитие НТРовских производительных сил подтверждает историческую правоту теории Карла Маркса. Но одновременно оно может по-своему подтвердить и правоту Мао Цзэдуна или Герберта Маркузе: мировая деревня окружает мировой город, "отверженные Земли" (*les damnés de la Terre*), по выражению Франца Фанона, выступают против "города белых", settlement'a в глобальном масштабе. И не являются ли написанные на заборах в Катманду лозунги "Да здравствует маоизм!" своего рода протестом против последствий начавшейся на Западе мирной коммунистической революции в технологии? Коммунизм против коммунизма? И не оказывается ли коммунизм, точнее, протокоммунизм (=постиндустриальное общество) еще более внутренне противоречивым, чем капитализм, не заражает ли он своими внутренними противоречиями еще сохраняющиеся капиталистические отношения? Противоречия капитализма плюс противоречия протокоммунизма - и получаем посткапиталистическую глобальную смуту, о которой пишет Бжезинский.

Перспектива этой смуты усугубляется самим процессом глобализации экономики и потоков капиталовложений. Благодаря глобальным информационным сетям сегодня за считанные секунды можно перебросить, например, из Лондона в Гонконг десятки миллионов долларов. Это вовсе не означает, что они будут вложены в производство. Скорее всего они через день-другой окажутся в Токио, Сингапуре или Нью-Йорке - там, где выше банковский процент, выгодный курс акций или есть что-то еще, на чем можно получить прибыль. И так в поисках сиюминутной выгоды по белу свету каждый день снуют сотни миллионов и миллиарды долларов, иен, марок, франков, практически никак не связанные с производством. Что это, глобальное ростовщичество на базе информационных технологий и микроэлектроники? Эти потоки не имеют почти никакой связи с реальным производством, но разорить любое производство, перекрыв ему финансовые и товарные потоки через информационные сети, могут в два счета. Как и могут вообще оставить без всякого внимания те регионы земного шара, которые капиталам не интересны. Сегодня беднейшие 20% мирового населения получают только 1,4% мирового ВВП, на них приходится только 1% мировой торговли, 1,3% всех мировых инвестиций и только 0,2% всех коммерческих займов (12). В условиях глобальных переходов к постиндустриальной системе эти люди не могут рассчитывать вписаться в международное разделение труда благодаря тем преимуществам, которые имели решающее значение в эпоху капитализма: дешевым ресурсам и дешевизне рабочих рук. Когда же решающим становится "производство человека", вытеснение труда творческой деятельностью, им нет места в мировой системе. Зато единственным шансом на выживание становится "участие" в глобальной смуте, будь то в составе банд или шаек торговцев наркотиками.

Увы, сложившаяся в мире ситуация во многом является не только результатом начавшейся и еще не закончившейся революции в производительных силах на Западе. Во многом она вызвана тем, что в самом "слабом звене" индустриальной системы, в СССР, реакция на эту революцию оказалась абсолютно не соответствующей задачам дня.

СССР - жертва коммунистической революции на Западе

80-е годы в истории Советского Союза были поистине решающими для всего глобального развития. Начинались они как "десятилетие надежд", а оказались, как в странах Латинской Америки, "потерянным десятилетием". Пожалуй, никогда за всю историю России, не было упущено столько возможностей для общественных преобразований, как в это время. Однако объяснять упущения только так называемым субъективным фактором было бы проще всего. На самом деле этот субъективный фактор обычно является результатом всего предшествующего развития страны, и в этом смысле он объективен.

Как известно, в 70-е годы началось разложение советской индустриальной системы. Эта система, в которой воедино были сплавлены политика (точнее, управление), экономика, идеология, учитывая, что около половины всех работающих были заняты ручным трудом, а производственная база в целом явно не дотягивала даже до позднеиндустриальной стадии развития, при своем стихийном разложении, скорее всего, могла перерасти в "дикий" капитализм с неповоротливыми монополиями, "классической" эксплуатацией наемного труда и прочими прелестями, которые были присущи западному капитализму в конце XIX - начале XX веков. Причем стихийное разложение советской индустриальной системы и ее перерастание в "дикий" монополистический капитализм прошло бы не одну фазу и оказалось бы весьма болезненным процессом.

Другой вариант развития - сознательно регулируемое демонтажное реформирование старой системы, использование всех известных методов реформирования, прежде всего французской, японской и южнокорейской моделей, которые, между прочим, сами заимствовали очень многое из советского опыта планирования. Это, естественно, предполагало бы сохранение социального государства, структурную перестройку экономики, включая существенное, но плавное сокращение военных расходов, постепенный переход к рыночному регулированию, начиная с тех отраслей, которые непосредственно работают на личное потребление - сельского хозяйства, легкой и пищевой промышленности, создание целой системы обучения и переобучения кадров, способных работать в рыночных условиях. Но чтобы такая грандиозная реформа осуществилась, а для этого нужно было затратить не одно десятилетие, требовался политический режим просвещенного авторитаризма, опирающийся на широкую социальную поддержку. Нужно было в первую очередь перестать заигрывать с самыми отсталыми слоями населения и обратиться к тем, кто олицетворял собой современные производительные силы общества: научно-технической интеллигенции, высококвалифицированным рабочим современных отраслей производства, учителям, врачам, преподавателям высшей школы и т.п. Одновременно было необходимо сохранить в общественном сознании прежний социальный идеал - ибо тогда, в 80-е годы, только так можно было надеяться на понимание со стороны народа реформаторских действий руководства. Для этого, естественно, требовалась серьезнейшая ревизия официального "марксизма-ленинизма", причем с помощью марксизма (без кавычек), с учетом новейших достижений мировой общественной мысли. Но провести такую ревизию могли только люди, разбиравшиеся в марксизме. А таких людей в руководстве КПСС и не было. "Марксизму-

В.А.КРАСИЛЬЩИКОВ
Зависимость и отсталость в развитии России

ленинизму", социализму, коммунизму поклонялись, но это поклонение было чисто ритуальным, в чем, кстати, проявлялась немодернизированность советской правящей верхушки - произнесение заклинаний, как известно, является характерной чертой традиционных обществ.

Однако в 1985 году, когда открылась реальная возможность перемен, историческое время в целом работало против России.

В конце 70-х - первой половине 80-х годов в СССР многие группы правящей элиты, особенно из ее второго и третьего эшелонов, были заинтересованы в переменах. Но перемены они понимали по-своему. И у Горбачева, в отличие от Брежнева 70-х годов, уже не было ни экономических, ни организационных возможностей, чтобы поддерживать компромисс между различными группировками власть предержащих и одновременно последовательно проводить курс на ускоренное развитие.

Какие же из "руководящих товарищей" были заинтересованы в переменах, понимая их всяк на свой лад?

- В конце 70-х годов обозначился конфликт интересов между отраслевой, промышленной технбюрократией и партийной бюрократией. Технбюрократия возмечтала превратиться в "техноструктуру" отраслевых монополий-корпораций, уйдя из-под контроля партийных чиновников, которые досаждали ей своей некомпетентностью. Со своей стороны, собственно партийная бюрократия, особенно ее наиболее отсталая и консервативная часть, хотела восстановить былой контроль над другими группами правящей элиты и "укрепить порядок", вернуть те времена, когда директор даже крупного завода вытягивался по стойке "смирно" перед инструктором райкома партии.

- Либеральные "интеллектуалы", работавшие в академических институтах и на кафедрах престижных вузов, "выездные", а потому готовые всякий раз "обличить империализм", лишь бы иметь возможность пропустить лишний стаканчик "Мартини", журналисты, высокопоставленные чиновники МИДа и Министерства внешней торговли, писатели всякого рода и тому подобная публика. При всем разнообразии царивших среди них воззрений их объединяло, конечно, не только примитивное шкурничество, но и неприятие абсурдности управленческих решений. И они острее, чем кто-либо еще, ощущали на себе пагубные последствия глобальной конфронтации с Западом, бесперспективность гонки ракетно-ядерных вооружений.

- "Герои" "серой" и "черной" экономики. Во многих регионах страны деятели теневой экономики, кое-как помогавшие затыкать дыры тотального дефицита (без них хозяйство не могло бы держаться на плаву), оказывали сильное влияние на положение дел на местах, срослись с местными властями. Естественно, со временем теневая экономика, порожденная советской системой, захотела избавиться от взрастившей ее "матери". Для этого нужно было прежде всего сокрушить власть КПСС, КГБ и прочих органов, мешавших "самостоятельной жизни" теневой экономики.

- Государственные чиновники и военные, технократы, связанные с военно-промышленным комплексом, которые прекрасно осознавали наметившееся отставание СССР в области военных технологий и понимали, что без изменения ситуации в стране в целом эту проблему не решить.

Интересы всех этих групп, так или иначе причастных к управлению государством, вряд ли могли совпасть друг с другом в иное время - слишком уж они были различными, даже противоречащими друг другу. Но все они

столкнулись с глобальным вызовом, брошенным Советскому Союзу информационной революцией, которая сделала сохранение старой системы попросту нестерпимым. Причем для каждой группы старый порядок было нестерпимым по-своему.

Для одних, "западников", информационная революция требовала большей открытости общества перед миром, усиливала "эффект демонстрации", очаровывая невиданными диковинками, убеждала в технологической и экономической отсталости Советского Союза. Для других, "традиционалистов", эта революция через свои негативные последствия для отставшей страны несла с собой угрозу окончательной потери контроля над обществом, разрушение устоев всего и вся, прежде всего - огромных пластов традиционного общества, которые не успела или не смогла переломить индустриализация.

Учитывая весьма непростую обстановку, которая сложилась в СССР в середине 80-х годов, попробуем все-таки оценить действия реформаторов с точки зрения практического опыта модернизаций, накопленного к тому времени в мире. И начать я предлагаю не с экономики, как обычно, а с идеологии, с той сферы, которая играла чрезмерно большую роль в жизни советского общества.

В области идеологии перед руководством КПСС стояла весьма непростая задача: сохраняя преемственность, изменить господствующую идеологическую парадигму, сформулировать стратегию перестройки, определить социального субъекта (субъектов) перемен, разработать систему мер по защите тех, кто должен был пострадать от них в наибольшей степени (индустриальные рабочие). И, конечно же, осмыслить как природу советского общества, так и суть начавшихся глобальных перемен. Очевидно, что такая работа не могла быть проделана за два-три года, тем более с таким кадровым потенциалом "придворных тетеретиков", которые сразу же, как только прозвучал сигнал, бросились наперебой записываться в поборники "нового мышления".

В политической сфере, с точки зрения модернизации, Горбачевым и его окружением все было сделано именно вопреки практике успешных модернизаций. Первое время Горбачев, как и Брежнев (а до него в XX веке - Николай II), пытался сохранять компромисс между различными группировками правящей верхушки. Но по мере того, как этот компромисс оказывался все более шатким, Горбачев пытался сконцентрировать в своих руках все большую власть. И при этом он пытался сохранить систему Советов во главе со Съездом народных депутатов - пережиток вечевой эпохи, абсолютно непригодный для решения каких-либо модернизаторских задач. В то же время система органов КПСС ослаблялась - как из-за тупости партноменклатуры, так и под давлением оголтелых "либералов"; значит, разрушалась система управления, безусловно, неэффективная, устаревшая, но все-таки еще позволявшая кое-как сводить концы с концами.

Однако та концентрация власти, на которую пошел Горбачев, могла быть эффективной только при одном условии: если бы среди правящей элиты существовало общее согласие по поводу дальнейшего развития страны и проводилась бы целенаправленная политика ускоренного развития. В противном случае концентрация власти требует создать мощную бюрократическую машину, чтобы все "увязать и согласовать", а в этой бюрократической машине вязнут все полезные предложения и идеи. Машина становится

В.А.КРАСИЛЬЩИКОВ*Зависимость и отсталость в развитии России*

крайне неэффективной и начинает разваливаться или делает заложником того, кто сидит на самом верху. Это и произошло с Горбачевым буквально в течение одного, 1990-го, года.

Еще одна закономерность политики успешной догоняющей модернизации, которая была нарушена Горбачевым, - постоянное "опережение ситуации" инициатором перемен независимо от того, есть ли в стране оппозиция преобразованиям или нет. Горбачев же, затеяв перестройку, очень быстро упустил инициативу из своих рук. В результате инициатор перемен постоянно оказывался в положении догоняющего события, попадая в зависимость от политической стихии.

Наконец, в экономике Горбачев не сделал самого главного: не приступил к структурной перестройке, хотя именно порочная структура хозяйства во многом предопределяла технико-экономическое отставание Советского Союза от развитых стран. Вместо структурной перестройки было намечено "ускорение социально-экономического развития", которое без нее оказалось попросту невозможно и, естественно, захлебнулось. Провозгласив роль "человеческого фактора" в современном экономическом развитии, Горбачев абсолютно ничего не сделал, чтобы реально увеличить накопление "человеческого капитала", хоть как-то способствовать решению острейшей проблемы - подготовки кадров перестройки.

И все это происходило на фоне глобальных перемен в мировой экономике, натиска постиндустриализации, которая, охватывая индустриальное производство, придавала импульсы для разрушения промышленности стран Восточной Европы и СССР, ее вытеснения с внутренних рынков "советского блока". Перед этим натиском советская элита уже не могла устоять. "Эффект демонстрации" оказывал на нее поистине завораживающее воздействие. Включиться в мировой рынок, международное разделение труда стало уже не только голубой мечтой, но и вполне осязаемой целью. Цель эта сама по себе была благой. Но ведь "включаться" в международное разделение труда можно по-разному: либо на основе высокотехнологичного производства, либо на основе экспорта сырья и топлива. "Перестройщики" выбрали второй путь как путь наименьшего сопротивления, самый простой и легкий. Тем более, что база для него уже была заложена за годы так называемого застоя. Интересы советской технократии, либеральных "интеллектуалов", деятелей теневой экономики и прочих, примкнувших к ним на правах младших членов "команды", удивительным образом совпали с глобальными интересами МВФ и ТНК. Однако одного совпадения интересов мало. Нужно еще суметь их реализовать. Для этого необходимо было решить несколько взаимосвязанных проблем.

Во-первых, окончательно освободиться от идеологических и политических пут "социализма", КПСС, КГБ и т.д. Во-вторых, сбросить груз социальной сферы, затрат военного бюджета, расходов на науку, образование, культуру и прочее. В-третьих, нужно было переключить ресурсы с внутреннего рынка на внешний, а для этого сбросить груз союзных республик. Можно еще найти "в-четвертых", "в-пятых", "в-десятых", но в принципе первых трех перечисленных задач, которые должны были решить для себя горе-реформаторы, достаточно, чтобы понять случившееся с великой державой.

В 1990-1991 гг. в стране развернулась неистовая борьба за власть. Концентрированным выражением этой борьбы был конфликт между Ельциным

и Горбачевым. Возникла ситуация, абсолютно не совместимая с какой-либо модернизацией, хотя при этом каждый из участников конфликта произносил немало слов, которые внешне выглядели вполне модернизаторскими.

Нет ничего более наивного, чем полагать, будто внутренняя политическая борьба в СССР на протяжении 1989-1991 гг. являлась борьбой между нарождающимся частным сектором экономики и сопротивлявшейся этому партийной бюрократией. Представители сложившегося тогда кооперативного движения и "индивидуалы" ("лица, занятые индивидуальной трудовой деятельностью") не обладали ни самостоятельностью, ни достаточными ресурсами, чтобы реально противостоять хоть и слабевшему, ставшему почти неуправляемым, но все же неизмеримо более мощному государственному сектору экономики. В действительности борьба развернулась между различными группировками правящей элиты - борьба за доступ к ресурсам, обладание собственностью, "включение" в мировой рынок и мировые финансовые потоки. Реальный частный сектор в России никогда за годы "реформ", за редким исключением, не обладал изначальной самостоятельностью по отношению к государству. Он мог быть относительно весомым лишь благодаря связям с государством.

Махровый либерализм бенгатовского толка не случайно стал идеологией "реформ" на рубеже 80-90-х годов. И в этом тоже не надо видеть ничего модернизаторского. Если на Западе неоллиберальная экономическая доктрина оказалась созвучной процессам постиндустриализации (13), то на Руси экономический либерализм был призван сыграть антимодернизаторскую роль. Кстати, точно такую же роль либерализм играл до последнего времени, например, в Аргентине. Как только торгово-аграрная олигархия в этой стране добиралась до рычагов государственной власти, обычно в результате военных переворотов, она поднимала знамя экономического либерализма. Почему? Да потому что именно либерализм как нельзя лучше оправдывал ее политику: открытие рынков в обмен на свободный экспорт зерна и мяса. И экономический либерализм начала 90-х годов в России стал знаменем не модернизации, а антимодернизации, точнее, псевдомодернизации - в угоду российскому аналогу аргентинской олигархии - топливно-энергетическому комплексу, металлургии и другим отраслям, занятым добычей и первичной переработкой сырья. Открыть внутренние рынки - и избавиться от хлопот по перестройке и технологической модернизации промышленности и социальной сферы, перекачивать нефть и газ на Запад за доллары и марки.

Кульминацией антимодернизаторской природы "перестройки" и одновременно ее концом стал развал Союза в августе - декабре 1991 года. Развал, который назревал давно. То, что сотворили в Беловежском лесу два номенклатурных пьяницы и примкнувший к ним незадачливый физик, стало лишь политическо-правовым оформлением процессов, которые начались еще в годы застоя (стремление республиканских элит к самостоятельности, независимости от Москвы) и получили колоссальное ускорение во время "перестройки".

Почему можно говорить об антимодернизаторском характере распада СССР? Да хотя бы потому, что этот распад усугубил наметившийся еще при Горбачеве разрыв хозяйственных связей между республиками, следовательно, сузил их внутренний рынок, способствовал деградации их и без того не слишком передовой по мировым меркам индустрии. А сей факт уж никак

В.А.КРАСИЛЬЩИКОВ

Зависимость и отсталость в развитии России

нельзя, разумеется, зачислить на счет модернизации. Про ситуацию, сложившуюся с наукой и образованием, и говорить не приходится.

Возникает вопрос: была ли вообще возможна модернизация в СССР, разумеется, авторитарная, особенно на первых порах, при одновременном открытии внутреннего рынка, да еще в контексте глобализации мировой экономики, под натиском информатизации? Думаю, что нет. А это означает, что невозможен был и переход к "нормальному" (т.е. социализированному) капитализму в России/СССР. А вот для антимодернизации были более благоприятные предпосылки.

Скорейшее "приобщение к благам цивилизации", выход на "столбовую дорогу мирового прогресса", "интеграция в мировой рынок", как их понимали "реформаторы", не были совместимы с каким-либо порядком. "Эффект демонстрации", отголоски хрущевско-брежневского "колбасного социализма" в сознании "реформаторской" части правящей элиты пересилили отдаленные ожидания от реальных плодов продуманных реформ. Долгосрочные стратегические интересы уступили место сиюминутным интересам: набить карман и побольше, сейчас же, а там видно будет. "Куй железо, пока Горбачев".

Затея "перестройщиков" перейти к "гуманному социализму" (читай: к "капитализму с человеческим лицом" - это одно и то же) должна была провалиться и потому, что в условиях, с одной стороны, зависимости Советского Союза от развития ядра миросистемы, с другой, - начавшейся постиндустриализации провозглашенная Горбачевым "открытость миру" заранее обрекала СССР на неравноправное положение в мировой гонке. Нельзя "строить капитализм", да еще в такой крупной стране, как Россия, когда в центрах миросистемы складывается посткапитализм, а государство, единственный реальный прораб на такой стройке, отступает, разваливается под натиском порожденных им же проблем, и беснующегося под либеральными знаменами Homo sovieticus'a, одуревшего от дарованной милостью государя воли. Судьба капитализма в таком случае оказывается всецело зависимой от тех, кто уже перерос его исторические рамки: хотим, позволим вам его "построить", не хотим, обойдитесь его обратной стороной, так сказать, дыркой от бублика.

В самом конце 1990 года Горбачев явно отступает перед консервативными силами, консервативными, но не ретроградными. Для этого в очередной раз в латаную-перелатаную Конституцию СССР вносятся необходимые изменения. (При этом Власть требует уважения Закона от граждан, постоянно демонстрируя свое собственное неуважение к нему, что также абсолютно несовместимо с модернизацией). Вводится пост вице-президента, а вместо должности Председателя Совета Министров, утверждаемого Съездом народных депутатов, - должность премьер-министра, подчиняющегося непосредственно Президенту. В руках Горбачева концентрируется еще большая власть. Фактически между Горбачевым и частью его окружения достигается компромисс: усиление концентрации власти президента СССР в обмен на уступки консервативной части слабеющей номенклатуры.

К чему мог бы привести такой компромисс? К "восстановлению советской системы в полном объеме", как полагали и полагают до сих пор "демократы" со своим воспаленным воображением? Но "восстановители" в лице И.К.Полозкова и прочих одиозных деятелей КП РСФСР, которые с трудом понимали до конца суть происходивших событий и улавливали лишь наибо-

лее очевидные факты, не обладали тогда достаточными силами для перехода в контрнаступление, особенно после поражения на XXVIII съезде КПСС. Они могли вести только арьергардные бои. На самом деле такой компромисс, получи он дальнейшее развитие, в перспективе мог бы привести в лучшем случае к ограниченной, частичной модернизации Советского Союза. Да, только к частичной в силу ограниченности целей, замыслов, интересов и просто личного кругозора тех, кто заключал такой компромисс. И проблему завершения модернизации все равно нужно было бы решать, а для этого - обновлять правящую элиту. Хотя бы спустя пять-семь лет, когда для решения этой проблемы уже, вероятно, могли бы сложиться более благоприятные предпосылки, чем те, что существовали в 1989-1991 годах.

В.С.Павлов, последний премьер-министр Союза, почитатель Витте, попытался начать с финансовой стабилизации, чтобы восстановить равновесие бюджета и только затем приступить к структурной перестройке. Он сделал то, что должно было сделать для начала еще косыгинское правительство, во всяком случае, правительство Н.И.Рыжкова в 1986-1987 годах. Павлов сделал это, поскольку оттягивать финансовую стабилизацию было уже нельзя - казна и золотовалютные резервы пустели так же, как и полки в магазинах. При этом он, конечно, прекрасно понимал, что одним изменением цен делу не поможешь, нужна структурная перестройка хозяйства, которая требовала огромных средств. А их-то взять было негде. Даже резкого сокращения огромного военного бюджета было бы недостаточно, чтобы изыскать резервы для модернизации Советского Союза.

В связи с этим выскажу одну гипотезу. Не стояла ли за авантюристическим решением иракского диктатора Саддама Хусейна вторгнуться в Кувейт летом 1990 года часть советской номенклатуры, которая обещала ему политическую поддержку, но не смогла ее потом оказать? Спрашивается, какая корысть была для нее в том, чтобы науськивать Саддама на соседнее государство, понимая, какой может быть реакция в мире на действия диктатора. Да та, что успех Саддама и выведение Кувейта из игры на мировом рынке нефти позволили бы повысить, и весьма существенно, цены на нефть. И таким образом увеличить поступления валюты в СССР за счет экспорта нефти. То есть фактически речь шла о том, чтобы в новых условиях повторить операцию брежневской поры: поправить дела благодаря "колониальному экспорту", чтобы получить хотя бы временную передышку и приступить к структурной перестройке хозяйства.

Однако затея, как известно, провалилась. Отчасти из-за того, что Горбачев и Шеварднадзе поддержали Запад, а главным образом потому, что сам Запад по сравнению с 70-ми годами, когда имел место первый нефтяной шок, в военно-технологическом отношении стал неизмеримо сильнее. "Микроэлектронная революция" и проведенная Рейганом военная реформа принесли Соединенным Штатам и Западу в целом зримые плоды. "Буря в пустыне", в которой электронные системы разведки и управления войсками сыграли первостепенную роль, не захлебнулась в песках, в отличие от операции 1980 года по вызволению американских дипломатов-заложников из иранского плена. После "Бури в пустыне" стало ясно, что рассчитывать на какие-либо источники средств для обновления экономики за счет выгодных внешнеэкономических связей Советскому Союзу не приходится. Нужно было изыскивать только внутренние резервы, для чего требовалось прежде

В.А.КРАСИЛЬЩИКОВ

Зависимость и отсталость в развитии России

всего восстановить элементарную управляемость хозяйством. А управляемость падала не по дням, а по часам. Правительство РСФСР, подписав вместе с союзным правительством соглашение о повышении цен на товары первой необходимости, введении свободных цен на товары, которые таковыми заведомо не были, и выплате компенсаций со 2 апреля 1991 года, решило облагодетельствовать своих граждан путем наращивания всевозможных социальных выплат и льгот. Ельциным и Силаевым был запущен механизм инфляции спроса, который, по существу, подрывал павловскую программу стабилизации. Экономика оказалась заложницей политических интересов и планов, преследовавших своей целью развал Союза. Ни о какой модернизации, даже самой кургузой в таком случае не могло быть и речи.

Строго говоря, последней попыткой перейти к более или менее упорядоченному капитализму, разумеется, в первую очередь государственному, если подходить к делу с точки зрения модернизации, явился августовский путч. Создание ГКЧП и весьма странная деятельность сего органа в течение трех дней представляли собой лебединую песню "капиталистического строительства" в СССР. Бездарность и безалаберность, проявленные путчистами, была лучшим доказательством того, что настоящий, стабильный капитализм в России на излете XX века невозможен. Ее Величество История, видимо, неспроста выдвинула в несостоявшуюся хунту никудышных организаторов, которые не удосужились накануне выступления хотя бы полистать старую, аж 1976 года издания, книгу Г.Мирского, в которой обобщался опыт военных переворотов в странах тогдашнего Третьего мира (14). Но у Истории был свой план. Сам провал путча свидетельствовал о глубочайшем системном кризисе советской индустриальной системы, о том, что будущего у нее нет.

Антимодернизация в России

Россия второй раз в XX веке обольщается утопией. Сначала это была, как известно, утопия коммунизма - утопия потому, что никаких реальных предпосылок для осуществления марксова идеала коммунизма не только не было, но и быть в то время не могло. Хотя, надо сказать, коммунистическая утопия для России была утопией прогрессивной и имела, по крайней мере, возвышенное содержание - несмотря на разгул самых низменных страстей, которым сопровождалась попытка осуществить ее на практике. На рубеже 80-90-х годов таковой стала утопия приземленная - утопия капитализма. Утопией для России она была прежде всего потому, что все функционирование позднего капитализма и тем более посткапитализма в представлении ее адептов сводилось к простой игре рыночных сил и господству частной собственности. В начале XX века радикальные интеллигенты, в частности большевики, думали, что стоит-де "отменить" частную собственность, как установится общественная. (Надо отдать должное Ленину, который предупреждал, что обобществление производства на словах, по декретам суть далеко не то же самое, что обобществление производства на деле) (15). В последней четверти XX века "прорабы перестройки" и "реформаторы" заявляли, что следует "отменить" "общественную" (ничейную) собственность, и сразу установится капиталистический рай.

Но и те, кто вроде бы выступал за постепенные реформы, тоже умудрились в уходящем веке наступить дважды на одни и те же грабли. Сначала русские реформаторы-модернизаторы (С.Ю.Витте, П.А.Столыпин) пытались укрепить Старый Порядок, самодержавие путем имперской модернизации. И в конце концов подложили под него бомбу - вызвали к активной и бурной деятельности радикальную контрэлиту. Примерно то же самое проделали с советской системой и "отцы перестройки". Взвзвись за исправление ее очевидных пороков, они подтолкнули к деятельности разрушителей.

Под красным пролетарским знаменем большевики выполняли за капитализм в России его историческую работу. Антикапитализм стал формой приобщения России к индустриальному производству, т.е. к капитализму. Сегодня под синими знаменами либерализма "демократы" и "реформаторы" выполняют работу... по разрушению основ капитализма.

Если задать вопрос: "Кто нынче на Руси за капитализм, а кто - против?", то ответ вроде бы очевиден. "Демократы" - за капитализм, коммунисты ("коммунисты") - против. Однако, как говаривал Гегель, видимость обманчива. Подобно тому, как большевики на самом деле были злейшими врагами марксизма и коммунизма (а иначе у них ничего бы не вышло), сегодня "демократы" и "реформаторы" - злейшие враги капитализма. Чем "демократистее" тот или иной имярек, тем большим врагом капитализма, рыночной экономики и демократии он является. И, наоборот, именно коммунисты, вообще все государственники являются, несмотря на свою антикапиталистическую, антирыночную риторику, сторонниками капитализма. Не на словах, конечно, а по существу. И вот почему.

При том, что капиталистический способ производства в своей основе функционирует без государства (марксова идея о государстве как политической надстройке могла родиться только в Европе - и нигде больше), в реальной жизни он не может обойтись без жестких правил и законов, основанных прежде всего на признании права частной собственности. Производственные отношения капитализма нуждаются в своем юридическом выражении - в отношениях собственности. А регулирование этих отношений - одна из забот государства. Разрушение государства вызывает сбой в функционировании капитала. И если государство оказывается бандитом (а сколько таких государств-бандитов развелось по белу свету в последнее время!) прежде всего по отношению к собственным гражданам, то ни о каком нормальном капитализме говорить всерьез не приходится.

Открыв внутренний рынок России и не проведя при этом никакой структурной перестройки экономики, "демократы" уступили, причем пассивно, натиску постиндустриализации. Но не столько даже ей самой (на Руси по-прежнему компьютеров на тысячу человек в 10-20 меньше, чем в развитых странах), сколько ее отрицательным последствиям - отрицательным с точки зрения индустриальной системы. "Либералы", склонив головы перед мощью центров экономической миросистемы, способствовали разрушению индустриального производства. Спору нет, многое, очень многое из того, что досталось нам по наследству от Советского Союза, нужно было ликвидировать. Но основной удар пришелся по тем отраслям и предприятиям, которые как раз и могли бы стать очагами нового роста, основой для перехода к технологиям на базе научной организации труда. А чтобы убедиться в том, что здесь мы имеем дело не с обычным головотяпством-неразумением, а, скорее, с

В.А.КРАСИЛЬЩИКОВ*Зависимость и отсталость в развитии России*

сознательной политикой, достаточно внимательно почитать правительственную "Программу" "реформ" на 1995-1997 годы (16). Там основное внимание уделено добыче топлива и сырья, энергетике - чему угодно, но только, например, не авиационной и космической промышленности и не науке, не тем отраслям общественного производства, которые могли бы реально стать основой модернизации.

С точки зрения развития капитализма сегодня ситуация на Руси во многих отношениях напоминает эпоху позднего средневековья: есть частный капитал, есть капиталистические предприятия, а капитализма как системы нет. "Реформаторы", "демократы", воровкраты и журналисты уверяют: не беда, появится. Да, как уклад в некоторых местах уже появился. Появился, как известно, в первую очередь в сфере торговли и финансов. Но торгово-ростовщический капитал существовал и может существовать в порах самых разнообразных обществ. Он существовал и в древней Индии, и в Китае, и в средневековой Европе, и в Киевской Руси. Но чтобы такой капитал мог создать капиталистический способ производства как систему, он должен подчинить себе процесс производства. Капитализм - это отнюдь не воровское распределение награбленного.

Конечно, многие предприятия формально стали частными. Вроде бы капиталистическими. Однако при этом не сложился ни рынок труда, ни рынок капиталов. Не сложился именно как система - "от Москвы до самых до окраин". Сегменты, очаги рынка труда есть, как есть и сегменты рынка капиталов - прежде всего в мегаполисах: Москве, Петербурге, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Самаре... А наемного труда, свободного наемного труда как господствующей формы организации процесса производства в масштабах страны - нет. Есть огромная масса зависимых работников, которые месяцами не получают зарплату независимо от того, является ли их предприятие государственным или каким-нибудь АО, ТОО и проч. На пропитание они зарабатывают отхожими промыслами. Чем ближе к какому-нибудь мегаполису, тем больше шансов найти себе хлебное занятие, в том числе, конечно, и нелегальное. В противном случае остается огородничество. И чем дальше от мегаполиса, чем выше роль "градообразующего предприятия", чем больше от него зависит жизнь города, тем сильнее внеэкономическое принуждение к труду. Способы самые разные: это и извечный квартирный вопрос, "ведомственный" детский сад (уходишь с завода - плати за детей втридорога), электро-, газо-, и водоснабжение (котельная-то и водокачка - заводские!). И систематические невыплаты заработной платы оказываются могучим средством подчинить работников "хозяину", директору, который нередко уже давно сошелся с бандитами. На смену тому внеэкономическому принуждению, которое существовало при Советской власти, пришло то же самое внеэкономическое принуждение, только в других формах, да зачастую на пониженном уровне. Когда директор ("хозяин") завода, находящегося на грани разорения, строит виллу или куролесит на берегу Средиземного моря, а его рабочие в то же время месяцами сидят без зарплаты, - это никакой не капитализм. И когда разгневанные вкладчики осаждают разорившийся банк, а хозяева банка по-прежнему разъезжают на "Мерседесах" и в ус не дуют, даже не собираясь бежать за границу, - это тоже не капитализм.

Таким образом, капитализма как господствующего способа производства у нас не наблюдается. Ни по Марксу, ни по Веберу, российская реальность

конца XX века не соответствует капитализму как системе. Свободный наемный труд, "рационально организованное предприятие" (на что делал упор Вебер) у нас существуют только анклавно, как острова в океане, пусть даже и крупные. Но остров или архипелаг не есть материк.

Судьба капитализма в России зависит, по меньшей мере, от положительного ответа на четыре вопроса, которые тесно взаимосвязаны друг с другом:

- 1) возможен ли вообще капитализм как замкнутая система в одной стране в условиях глобализации экономики и НТР?
- 2) нужен ли Западу капитализм на Руси, капитализм как система, а не как уклад наряду с мелкотоварным огородничеством, причем капитализм, соответствующий для начала хотя бы уровню западного позднего капитализма 60-70-х годов XX века?
- 3) способно ли Государство Российское обеспечить условия для развития такого капитализма?
- 4) есть ли на Руси социальный субъект капиталистического развития, а если нет такого субъекта сейчас, то может ли он появиться в будущем?

А теперь попытаемся на эти вопросы ответить и сделать общий вывод.

Капитализм как замкнутая система по типу американского капитализма конца XIX - первой половины XX веков, когда внешняя торговля играла лишь небольшую роль в экономической жизни страны, сейчас невозможен. От мирового рынка сейчас нельзя полностью закрыться хотя бы в силу "эффекта демонстрации". В свою очередь, функционирование мирового рынка сегодня определяется логикой НТР, ходом информатизации. Надеяться на то, что Россия в обозримом будущем, после двадцати лет брежневско-ельцинского правления, сможет оказать серьезное влияние на НТР, увы, не приходится. Так что капитализм в России возможен только в контексте глобальной экономики, в которую Россия на сегодняшний день включена в качестве периферии. И судьбы капитализма определяются не нами, как бы мы ни хотели его "построить" у себя в стране.

Приходится дать отрицательный ответ и на второй вопрос, огорчив лишний раз наших "реформаторов". Да, конечно, на Западе, особенно в Западной Европе, есть влиятельные круги, которые понимают, что слабая Россия им ни к чему, - слишком велик риск и велики издержки глобальной смуты в эпоху глобальных переходов, особенно, если одним из очагов такой смуты станет Россия. Однако не они сегодня задают тон на Западе. В сфере внешней политики Запада обосновались силы уходящей индустриальной эпохи, политики, мыслящие понятиями времен "холодной войны". Другое дело, что в конечном счете антироссийская политика - это политика антиевропейская и даже антиамериканская. И русская мафия, следы которой все заметнее на мостовых западноевропейских и американских городов, - это далеко не самое серьезное последствие краха Советского Союза и ослабления России.

Но, может быть, государство в России может обеспечить быстрое развитие капитализма? Да, такая возможность теоретически сохраняется до сих пор. Однако реальна ли она?

В ходе догоняющих модернизаций многие страны сталкивались с непростой дилеммой: демократия или развитие? Большинство выбирало развитие, осуществляя преобразования под эгидой авторитарных режимов и постепенно закладывая предпосылки для перехода к политической демократии. Россия формально выбрала демократию, хотя это такая демократия, которая по

В.А.КРАСИЛЬЩИКОВ*Зависимость и отсталость в развитии России*

своей недемократичности еще может потягаться с Советской властью. Сегодня, чтобы повернуть Россию в сторону развития, нужно приложить немалые усилия. Кто это будет делать? Какая степень авторитарности государственной власти при этом нужна? Боюсь, что мы еще долго не сможем ответить на эти вопросы, теряя драгоценное историческое время.

Истории второй половины XX века известно немало примеров государственного капитализма, который был не результатом развития собственной рыночной экономики, как на Западе, а результатом деятельности самого государства и непосредственного переплетения интересов государственной бюрократии и частного капитала. Такой бюрократический капитализм существовал и существует поныне во многих развивающихся странах: в Индии и Пакистане, Индонезии и Бразилии, Мексике и Малайзии. И надо отдать ему должное, несмотря на многочисленные безобразия (бюрократизм, коррупцию, злоупотребления властью и т.д.): он сумел обеспечить продвижение своих стран по пути модернизации, причем реальной, а не мнимой. Однако сегодня, когда государство в России испытывает на себе удары постиндустриализации и глобализации, когда у него левая нога не знает, что делает правая рука, и все вместе они озабочены не развитием страны, а набиванием карманов и разворовыванием того, что еще осталось от бывшей "общенародной" собственности, вряд ли оно сможет стать субъектом эффективного бюрократического капитализма. Многие скажут: подумаешь, невидаль - во многих странах бюрократы воруют и берут взятки, а бюрократический капитализм быстро и успешно развивается. Но, во-первых, нечистый на руку государственный бюрократ в Индии или Индонезии, в отличие от нашего чиновника, понимает, что разворовать все сразу нельзя - не только потому, что тогда велик риск попасться, но и потому, что для дальнейшего разворовывания нужно обеспечить процесс воспроизводства объекта разворовывания. Иначе говоря, нужна какая-то продуктивная деятельность, иначе потом нечего будет разворовывать. Во-вторых, бюрократический капитализм в развивающихся странах, в отличие от России, имеет давние традиции. Он начал там складываться 40-50 лет назад; в Индии, например, он зародился еще при англичанах, в Бразилии - при Варгасе и даже чуть раньше (30-е годы). В России же опыта и практики бюрократического капитализма, развивающегося на рыночных основах, в конце XX века нет. Да и там, где он пустил глубокие корни, сегодня он зачастую становится серьезным тормозом развития. Пытаясь выжить в условиях постиндустриализации и глобализации рынков, доказать собственную значимость, государственная бюрократия всячески противится разумной либерализации хозяйства, рационализации структуры экономики и социальных программ. И создает всевозможные препятствия этому. А тем самым - желание обойти, преодолеть их. За взятку, разумеется.

Когда в Индии, Бразилии или Индонезии складывался бюрократический капитализм, в центрах капитала государственное регулирование экономики было эффективным. Положительный опыт ускоренного развития в СССР под эгидой государства и с помощью централизованного планирования был налицо, а его отрицательные стороны оттенялись достижениями. Так что источники вдохновения для бюрократического капитализма в тогдашнем Третьем мире были основательные. Сегодня ситуация изменилась. Государство уходит из экономики, точнее, радикально меняются формы его присут-

ствия в хозяйственной жизни, разрастается теневой сектор, и копировать сегодня чьи-либо модели бюрократического капитализма или создавать какую-то свою модель такового - дело безнадежное.

Российский бюрократический капитализм не может сложиться в эффективную или хотя бы просто в структурированную систему из-за особенностей своего генезиса. В Индии, например, бюрократический капитализм произрастал на основе уже существовавшей частной собственности и рядом с ней. Он не вытеснял, а дополнял ее. В сегодняшней России, даже если отвлечься от глобальных процессов постиндустриализации, становлению эффективного бюрократического капитализма препятствует... его же собственное происхождение. И дело здесь в особенностях советской индустриальной системы.

Представляя собой результат форсированного развития, эта система сливала в себе воедино политическую Власть и Собственность. Провести нормальную, а не воровскую приватизацию можно было лишь при сохранении жесткой политической системы. Но кто сегодня оказался главным субъектом приватизации? Прежде всего чиновник. А для того, чтобы стать собственником, ему нужно было не только избавиться от пугала в виде Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, но и провести приватизацию... власти. Чтобы никто не мешал. Именно его чаяния как нельзя лучше выразил Борис Николаевич Ельцин: берите столько суверенитета, сколько сможете. И вместо единства Власти-Собственности на всесоюзном уровне мы получили единство Власти-Собственности на уровнях республик, областей и городов. Получилось примерно то же самое, что получается, когда разливают ртуть: большой шар распадается на множество маленьких шариков, но от этого каждый из них не перестает быть ртутью. Правда, среди этих шариков, от которых изрядно разит гнилым запахом брежневского застоя, попадаются островки подлинно частного, независимого сектора. Но ртутные шарики то выталкивают их, то душат, то обволакивают со всех сторон. И эффективного, способного к модернизации бюрократического капитализма из всего этого причудливого конгломерата никак не получается. Да и не может получиться, пока власть и собственность не разделены между собой. А они, в свою очередь, не могут отделиться друг от друга, пока не появится, с одной стороны, Хозяин Власти, с другой, - эффективный собственник. До тех пор на всех уровнях будут существовать некие подобию государственно-монополистических капитализмов - самых отвратительных образований за всю историю капиталистического способа производства, - будь то во всероссийском, областном, городском или районном масштабе, когда каждая фирма, от "Газпрома" и ВАЗа до поселковой хлебопекарни стремится занять в органах власти "своего человечка". И переделы собственности будут продолжаться, в том числе бандитскими методами. Следовательно, не приходится ждать в долгосрочном плане и политической стабильности.

Таким образом, мы можем покончить и с третьим вопросом: государство в России на сегодняшний день не может и не хочет обеспечить развитие капитализма, который бы соответствовал позднеиндустриальной стадии.

Трудность решения исторической задачи, которая стоит перед Россией, заключается в том, что России нужно одновременно завершить модернизацию, ее позднеиндустриальный этап, и перейти к постиндустриализации. Но сегодня социальной базы широкомасштабной постиндустриализации в России уже нет. Инженер-электронщик, который из-за развала высокотехноло-

В.А.КРАСИЛЬЩИКОВ***Зависимость и отсталость в развитии России***

гичных предприятий три года торговал книгами или турецкими штанами, скорее всего уже никогда не вернется к своей профессии, даже если ему создать идеальные условия для работы и назначить высокую зарплату. Он просто не сможет работать, потому что потерял свою квалификацию. "Предприниматель-доцент" был поставлен в такие условия, что либо попал под пресс бандитов-вымогателей, либо вынужден давать бесконечные взятки местным начальникам, думать же о высокотехнологичной продукции ему уже не приходится. Ему нужно "зашибать деньги", чтобы платить, платить, платить - всем, кто пытается взять его под свою "опеку". А возвращаться к своей прежней работе ему нельзя - она не кормит, да и просто порой некуда возвращаться. Контора закрыта, все ушли на базар.

Однако за годы "реформ" была подорвана и социальная база позднеиндустриальной модернизации, которая изначально была гораздо шире, чем социальная база информационной революции. В России катастрофически не хватает квалифицированных менеджеров, специалистов по организации труда и конструированию рабочих мест и т.д., а без них ни о какой позднеиндустриальной модернизации, хотя бы по опыту НИС, не может быть и речи.

Надежды некоторых российских политиков, в том числе и коммунистов, на то, что в скором времени на смену компрадорско-мафиозному капиталу придет национальный, социально ответственный капитал, занятый производством полезных товаров, - призрачные надежды. Это надежды людей, живших в XX веке и живущих в нем поныне. Объективно, даже если бы "новые русские" были добропорядочными современными предпринимателями, а не люмпенами, взбесившимися от нежданно-негаданно свалившихся на них богатств, в эпоху глобализации экономики и НТР национальный капитал может занимать лишь скромное место. В условиях постиндустриализации его судьба находится под двойным ударом: со стороны НТР и со стороны вытесняемых ею на полупериферию индустриальных ТНК. Сохранение индустриального потенциала России имеет смысл и какие-либо перспективы, если оно будет рассматриваться только как условие дальнейшей постиндустриализации, если оно, наконец, будет подчинено задачам осуществления НТР в нашей стране. Индустриальный потенциал России необходимо сохранить для того, чтобы впоследствии его торжественно, с почестями похоронить, а не выбрасывать на свалку, как дырявое корыто. В противном случае российская индустрия падет все равно.

Натиск НТР на остатки российской промышленности идет по двум направлениям: во-первых, через внешнюю торговлю и потерю российской индустрией внутренних рынков, во-вторых, посредством финансовых потоков. Постиндустриализация и глобализация, превратив финансы и банковскую сферу в относительно самостоятельный, независимый от материального производства сектор, сделали любую национальную экономику уязвимой именно для финансовых операций. С другой стороны, одна только концентрация финансовых ресурсов может стать средством обогащения. Москва и ее относительное благополучие на фоне множества других российских городов - подтверждение этого. Вместе с тем, несмотря на гипертрофированное, на первый взгляд, развитие финансовой сферы в России 90-х годов, у нас до сих пор нет финансово-кредитной системы, которая бы отвечала задачам "капиталистического строительства". Нет системы инвестиционных институтов - инвестиционные компании есть, а системы нет. Нет развитого потре-

бительского кредита. Финансовый, банковский капитал в России замкнут на себя. И говорить в этих условиях, что финансовая стабилизация сама по себе служит предпосылкой увеличения промышленных инвестиций, могут люди, тоже застрявшие, только по-своему, в XX веке. Коль скоро делание денег прямо не связано с производством, а зависит прежде всего от доступа к мировым информационным сетям, по которым туда-сюда снуют кредитно-финансовые потоки, то зачем, спрашивается, ломать себе голову над производственными капиталовложениями. Лишняя морока, да и только.

Таким образом, очарованные сверкающими витринами, вкушающие запах "Камэя" вперемешку со "Смирноффской" огненной водицей постсоветские дурни тешат себя иллюзиями грядущего капиталистического рая на Руси. Вот-вот, еще немного, и пойдет экономический рост, польются заморские инвестиции... Может быть, и впрямь начнет наконец-то расти истерзанная кризисами российская экономика, может быть, и пойдут капиталовложения из-за границы. Ну, и что? В любом случае, на Руси не будет капитализма, о котором мечтают наши "капитализаторы", если государство не сыграет при этом решающую роль. "Куда ты мчишься, Русь? - К капитализму-у-у," - горланят пьяные ямщики, направляя российские сани напрямиком в противоположную от настоящего капитализма сторону, в новое позднее средневековье. Однако проблема модернизации и "капиталистического строительства", разумеется, не исчерпывается тем, что происходит в области производственных отношений и собственности. В других сферах общественной жизни за годы "реформ" получили развитие не менее вдохновляющие антимодернизационные процессы.

Для всех догоняющих модернизаций, которые проводились, в частности, в НИС Азии, а до этого в Японии, было характерно укрепление судебной системы. Без этого важнейшего элемента "надстройки" никакой быстро развивающийся капитализм работать не может и не будет. При том, что такие модернизации осуществлялись под сенью авторитарных режимов, когда центр тяжести явно смещен в пользу исполнительной власти за счет законодательной, эти авторитарные режимы возвращали мощную судебную систему. Независимость судебной власти от исполнительной была, особенно на первых этапах модернизации, значительно заметнее, чем независимость законодательной власти. Парламенты принимали, как правило, те законы, которые были нужны и удобны исполнительной власти. Они были послушными, ручными и т.п. Про суды этого сказать нельзя. Законы могли быть плохими, недемократичными. Но судебная власть стояла на страже плохих законов даже тогда, когда они почему-либо оказывались невыгодными исполнительной власти. Она обязывала исполнительную власть соблюдать ею же придуманные и проведенные через послушный парламент законы. Так не только обеспечивалось функционирование складывающихся производственных отношений капитализма, но и закладывались реальные предпосылки для политической демократизации и повышения роли представительной власти. В России/СССР борьба за правовое государство привела к приватизации права и насилия. Раньше, в былые времена, вас неожиданно могли схватить около Пушкинской площади и затолкать в машину - присутствия адвоката и презумпции невиновности в этом случае не требовалось. Но сделать это могли только вполне определенные дяденьки с удостоверениями, в милицеевской форме или в одинаковых штатских костюмах. Теперь могут схватить

В.А.КРАСИЛЬЩИКОВ***Зависимость и отсталость в развитии России***

дяденьки без удостоверений. Раньше дяденьки с удостоверениями не позволили бы никому другому вас хватать и заталкивать в машину - это была исключительно их прерогатива. Государство обладало абсолютным правом на насилие и беззаконие. Теперь - не обладает. Таким образом, да здравствует вечно живое учение о правах человека! Раньше содержали армию партийных чиновников и штатных "попов марксистского прихода". Теперь содержим несусветное число частных охранников - приватизация функций государства здесь явно налицо. "Телефонное право" сменилось приватизированным правом. Судебная система слаба, не справляется с потоком жалоб и заявлений? - Пожалуйте к бандитам. Они и адвоката найдут, и объяснят, если надо, должникам, что расплачиваться с клиентами и партнерами надо вовремя, и с налоговой инспекцией договорятся. И все - за сравнительно умеренную мзду. Одним словом, благие времена, отблески романтической поры средневековья.

На первый взгляд, в России сделаны колоссальные шаги по пути политической модернизации: сложилась многопартийность, есть вроде бы свободная пресса, проходят выборы парламента и главы государства. Но вместе с тем наметились явные тенденции к антимодернизации в политике.

Проявлением политической антимодернизации в России служит практика заключения договоров о разграничении полномочий между федеральными и местными властями ("субъектами Федерации"). С точки зрения "модернити", такая практика не имеет ничего общего с принципами федеративного устройства. Федерация предполагает принцип равных прав и обязанностей регионов перед центральными властями. Стандарт должен быть один для всех, без исключений. Заключение же специальных договоров, да еще в условиях, когда число дотируемых из федерального бюджета областей ("субъектов") растет, представляет собой воскрешение феодального принципа дарения. Договор о разграничении полномочий между Центром и областной властью - это своего рода жалованная грамота. Государь, сидящий в Кремле, лично или через своего представителя жалует удельному князю такие-то и такие-то права, а тот берется выполнять такие-то обязанности в обмен на защиту со стороны центральной власти (от местных супостатов, что ли?). Вместо укрепления Федерации, о чем так любят посудачить российские "государствоустроители", мы получаем своеобразную феодализацию, новую мину под государственную целостность. Ссылки некоторых придворных мудрецов на опыт Российской империи, когда между Петербургом и различными окраинами империи существовали разные, неодинаковые отношения - одни имели больше прав, другие меньше, - это ссылки на опыт немодернизированного, традиционного общества. Попытки вновь воскресить сей опыт и перенести его в сегодняшнюю практику опять-таки никак не свидетельствуют в пользу политической модернизации.

Разумеется, любая антимодернизация, равно как и модернизация, имеет свои социокультурные аспекты. Думаю, я не сделаю никакого открытия, если скажу, что сегодня в общественном сознании России царит невообразимая путаница, странная мешанина самых разнообразных, часто взаимоисключающих друг друга идей. Причем такая же мешанина царит в отдельных головах отдельных граждан.

Парадоксально, но факт. Самыми рьяными разрушителями ценностей "модернити", которые все-таки формировались в общественном сознании в

годы Советской власти на Руси, на деле выступают те, кто усерднее всех ратует за либеральные свободы, капиталистическое хозяйство, демократию и права человека. Эти люди, не считая крайних традиционалистов, являются самыми рьяными антикоммунистами. Один незадачливый политик, либерал на словах, пытавшийся на деле проводить в России самую антилиберальную политику после Ивана Грозного и Сталина, умудрился заявить, что является либералом и поэтому - последовательным антикоммунистом. Когда-то он закончил один из гуманитарных факультетов МГУ. Наши общие знакомые даже говорили, что он хорошо учился. Видимо, учился слишком хорошо, впитав в себя весь дух сталинского марксизма. Ибо только человек, воспитанный на "марксизме-ленинизме", может противопоставлять друг другу коммунизм и либерализм.

Отрицая коммунизм, мы одновременно ставим под сомнение и либерализм, вообще всю западноевропейскую культуру "модернити" вместе с ее истоками: греческой культурой, римским правом и иудейско-христианской этикой. Когда французские "новые правые" говорили, что они антикоммунисты, они вместе с тем заявляли, что отрицают и социализм, и либерализм, и христианство. Почему? Да потому, что считая себя "последовательными антикоммунистами", они старались отрицать идею равенства между людьми, в какой бы форме эта идея ни проводилась. Чтобы опровергнуть коммунизм как идею, нужно последовательно опровергнуть идею равенства; признание христианства, иудейско-христианской этики означает одновременно и признание идеи равенства (всех перед богом, законом, денежным обращением - не столь важно). А раз признается равенство, значит, открывается путь и идее коммунизма. Но и это еще не все.

Французские "новые правые" восхищались античностью и Ренессансом, противопоставляя их "товарному обществу" и либеральным принципам. Однако на своеобразном противопоставлении Ренессанса всей более поздней западноевропейской цивилизации и построил свою идею коммунизма Карл Маркс. Марксов коммунизм в идеале представлял собой восстановление, возрождение Ренессанса на основе превращения науки в главную производительную силу и автоматизации материального производства, вытеснения человека из производства материальных благ в сферу творчества. Отрицание коммунизма одновременно представляет собой отрицание и ренессансной культуры с ее гуманизмом, и выросшего на ней либерализма. Под флагом антикоммунизма нельзя прийти к либерализму, свободе, признанию равенства прав всех граждан, демократии. Можно прийти, особенно в условиях России, где либеральная традиция в общественном сознании всегда была относительно слаба, к традиционализму, к средневековью и даже к фашизму. Антикоммунизм - это антимодернити, путь к средневековому язычеству, причем к самым темным его сторонам. Вот и опять получается, что российские "демократы" со своим пещерным антикоммунизмом являются "заклятыми друзьями" не только позднего капитализма, но и либеральной политической системы, рационализма, всей западноевропейской культуры "модернити". К торжеству либерализма, либеральных идей они с таким багажом не придут. Зато скорее всего попадут в пещеры.

Как и в средние века, сегодня язычество, и не рафинированное, элитарное, как в античном мире, а "народное", переплетается с христианской религией. Вряд ли стоит описывать, как сегодня на Руси "увлекаются" христиан-

В.А.КРАСИЛЬЩИКОВ

Зависимость и отсталость в развитии России

ством бывшие члены ЦК КПСС и партфункционеры, стоя во время церковной службы со свечками в руках и изображая из себя православных, как наследники КПСС говорят о приверженности принципам "самодержавия, православия, народности", которые сформулировал один из реакционнейших деятелей царского самодержавия граф Уваров. За всеми этими "увлечениями" скрывается не всплеск религиозности и набожности, а всплеск религиозного фетишизма. У многих из тех, кто заявляет о своей приверженности христианской вере, религиозность не выходит за рамки чисто фетишистского поклонения иконкам, крестикам и прочим материально осязаемым атрибутам веры. На смену техническому фетишизму времен индустриализации сегодня пришел религиозный фетишизм. Причем нередко одни и те же люди, выставляя напоказ свою набожность, одновременно верят в переселение душ, обращаются к колдунам и гадалкам, знахарям и астрологам. С точки зрения "истинной веры", такие увлечения - сущая ересь. А голос колдунов и прорицателей звучит все громче. Они уже и около Красной площади собирались - разгоняли тучи и всякую нечисть над Кремлем и около него, чтобы на президентских выборах победил главный "гарант" "демократии". Ни одному отцу-основателю западного либерализма, - ни Локку, ни Монтескье, ни Смиту, - в страшном сне не могло присниться, что когда-то с помощью суеверий будут "строить капитализм". В России "строят".

Тем не менее, несмотря на явное наступление антимодернити, антимодернизации в социокультурной области, в общественном сознании российских граждан пока еще сохраняются очень важные элементы модернити. Они сложились за годы существования советской индустриальной системы и пока еще являются серьезным препятствием для распространения псевдолиберальной абракадабры. Они же дают основания считать, что у России пока есть кое-какие шансы не сверзиться окончательно в число совсем отсталых стран, сохранив свою отсталость как относительную, а не как абсолютную. Какие же это элементы?

Во-первых, преобладание индивидуалистического начала над коллективным. Подавляющее большинство людей, примерно три четверти, отдает предпочтение равенству возможностей вместо равенства результатов (доходов и т.п.) (17). Это сугубо западная, модернистская ценность, без которой серьезная модернизация невозможна. В то же время это - преграда на пути тех, кто хотел бы, следуя курсу "реформ", создать в России сегрегированное общество, где принцип неравных возможностей, прежде всего при получении образования и профессии, является основополагающим.

Во-вторых, в общественном сознании сохраняется как ценность понимание значимости научно-технологического развития. Наши "либералы", профанирующие принципы "свободного рынка" и поклоняющиеся Америке, все же пока не сумели привить народу окончательное отвращение к науке, технике и рациональному мышлению. Так, 64 процента граждан России считают, что государство должно в первую очередь финансировать научные исследования и новые технологические разработки и лишь потом - содержание социальной сферы (18).

В-третьих, сохранилась, несмотря на массивную атаку последних лет со стороны тех же "либералов" и журналистов, приверженность державности, сохранился дух соревновательности по отношению к другим странам и народам. Сегодня даже продажные чиновники норовят при случае сказать:

"Россия была, есть и будет великой державой". А приверженность идее государственничества является необходимым, хотя еще и недостаточным условием догоняющего развития.

В-четвертых, несмотря на развал системы образования на всех уровнях, в общественном сознании сохранилась готовность "вкладывать в детей" (19). Это крайне важно для того, чтобы совершить "инвестиционный маневр": переориентировать ручьи финансовых вливаний в безнадежно устаревшие предприятия на вложения в "человеческий капитал".

Итак, в общественном сознании России пока еще есть потенциал для завершения модернизации страны, в том числе - и модернизации в области культуры. Вопрос только в том, будет ли этот потенциал реально задействован или разрушится под давлением антимодернизации. Ясно, что модернизация в области культуры не может сопровождаться социально-экономической и технологической антимодернизацией. Если последняя окончательно возьмет верх, то модернизация в области культуры, общественного сознания выродится в лучшем случае в заурядное подражание массовой культуре, что, впрочем, мы и наблюдаем сегодня. Однако на самом деле все может быть гораздо хуже. Пав, так сказать, жертвой постиндустриализации Запада, российская индустриальная система при своем окончательном разложении может стать источником антимодернизации в мировом масштабе. Особенно в области сознания. Некоторые признаки такой тенденции уже налицо.

* * *

Трагедия развития России/СССР в XX веке, если оценивать его с точки зрения мировых модернизаций, состояла в том, что Россия приложила немалые усилия, чтобы вырваться из тисков отсталости, сохранить себя в качестве мировой державы. И осталась по отношению к развитым странам Запада примерно в том же положении, в котором находилась в начале столетия. Несмотря на выдающиеся достижения и даже захваченное по ряду направлений лидерство. Немногие страны в XX веке умудрились так бездарно упустить шансы на успешное развитие, как это сделала Россия. Среди них выделяется Аргентина, которая в начале XX века занимала четвертое место в мире по уровню жизни, в 1950-м году превосходила по уровню жизни не только Португалию, Испанию, Италию, но даже Францию, а затем быстро покатила вниз, зажатая тисками зависимости, имея сегодня ВВП на душу населения примерно в три раза меньший, чем Франция.

Как известно, между зависимостью и отсталостью в развитии развивающихся стран всегда существовала взаимосвязь. Зависимость и отсталость России носили своеобразный характер. Сегодня они приобретают приблизительно те же черты, какие присущи им в странах бывшего Третьего мира.

И хотя у России еще сохранился потенциал сопротивления разрушительным процессам, в ближайшие 30-40 лет Россия не сможет войти в число высокоразвитых стран, стать одним из центров миросистемы. В обозримом будущем Россия, если не захочет возглавить всемирный клуб исторических самоубийц, должна удержаться на полупериферии миросистемы. Одно из главных препятствий сохранению Россией позиций среднеразвитой страны - социально-историческая тупость, социальный эгоизм и заурядное невеже-

В.А.КРАСИЛЬЩИКОВ

Зависимость и отсталость в развитии России

ство российской правящей элиты, ее неспособность осознать до конца даже свои собственные долгосрочные интересы. Правда, эти черты российских властителей одновременно способствуют их разорению, краху и уходу со сцены. Однако загнивание может продолжаться очень-очень долго. Результатом его будет печальный конец: гибель России как страны, российского народа - как этноса, территории России - как обитаемого пространства. Превращение ее, говоря словами Габриэля Гарсиа Маркеса, в пространство одиночества и забвения... un espacio de sole dad y de olvido...

ЛИТЕРАТУРА

1. Gon Keng Swee. The Economics of Modernization and Other Essays. Singapore 1972, p.1.
2. См. подробно: Красильщиков В.А., Зиборов Г.М., Рябов А.В. Шанс на обновление России (Зарубежный опыт модернизации и российские перспективы)//Мир России, 1993, N1, с. 105-111; Красильщиков В.А. Модернизация и Россия на пороге XXI века//Вопросы философии, 1993, N7, с.40-50; Красильщиков В.А., Белоусов А.Р., Гутник В.П., Клепач А.Н., Кузнецов В.И. Модернизация: Зарубежный опыт и Россия. М., 1994, с.21-35; Хорос В.Г., Мирский Г.И., Майданик К.Л. и др. Авторитаризм и демократия в развивающихся странах. М., 1996, с. 10-13; Хорос В.Г. Русская история в сравнительном освещении. М., 1996, с.5-19.
3. См.: Валлерстайн И. Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500-2010//Свободная мысль, 1996, N5, с.37.
4. См.: Кантор К.М. История против прогресса: Опыт культурно-исторической генетики. М., 1992, с.68-70.
5. См.: Красильщиков В.А., Белоусов А.Р. и др., указ.соч., с.68-70; Хорос В.Г., указ.соч., с.36-48.
6. См.: Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов (Первоначальный вариант "Капитала")//Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т.46, ч.И, сс.213-214, 217-218,221.
7. Подробно об этом см.: Иноземцев В.Л. К теории постэкономической общественной формации. М., 1995, сс.219 и след.
8. Красильщиков В.А. Превращения доктора Фауста (Развитие человека и экономический прогресс Запада). М., 1994, с.224-226.
9. См. подробно: Васильчук Ю.А. Эпоха НТР: Конвейерная революция и государство//Полис (Политические исследования), 1996, N3, с.5-26.
10. Drucker P. Post-Capitalist Society. N.Y., 1993, p.6-8.
11. Brzezinski Z. Out of Control: Global Turmoil on the Eve of the 21st Century. N.Y., 1994 (1st print - 1993), p.XIV.
12. Mahbub ul Haq. Reflections on Human Development. Oxford, 1995, p.31.
13. См. подробно: Красильщиков В.А. Превращения доктора Фауста, с.228-231.
14. См.: Мирский Г.И. "Третий мир": Общество, власть, армия. М., 1976, с.178-179.
15. См.: Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти//Ленин В.И. Полн.собр.соч., т.36, с.171.
16. Правительство Российской Федерации. Программа "Реформы и развитие российской экономики в 1995-1997 годах". М., 1995.
17. Данные исследований, проведенных Российским Независимым институтом социальных и национальных проблем.
18. См. предыдущее примеч.
19. Там же.